

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
1. ТЯЖЕЛОЕ НАСЛЕДИЕ	11
1.1. Великое заблуждение	11
1.2. Притягательная сила Запада	26
1.3. Национальная задача	30
2. БЫСТРЫЙ СТАРТ	35
2.1. Валютный союз	35
2.2. Попечительский приватизационный совет	54
2.3. Вопросы собственности	82
3. УСКОРЕННОЕ РАЗВИТИЕ	99
3.1. Стимулирование экономики	99
3.2. Строительный бум и внутренний рынок	111
3.3. Социальное государство начинает действовать	122
4. НОВОЕ НАЧАЛО В ПРОМЫШЛЕННОСТИ	135
4.1. Рыночная экономика без мотора	135
4.2. Заводы без профсоюзов	156
4.3. Региональные полюсы роста	176
5. СКОЛЬКО СТОИТ ПРОЕКТ «НЕМЕЦКОЕ ЕДИНСТВО»?	197
5.1. Возрождение Востока: издержки и достижения	197
5.2. Тотальный ущерб, нанесенный социализмом	224
5.3. Задачи на будущее	248
БЛАГОДАРНОСТИ	275
КОММЕНТАРИИ	277
ГЛОССАРИЙ	301
СТАТИСТИЧЕСКИЕ СПРАВОЧНИКИ	309
ЛИТЕРАТУРА	310
УКАЗАТЕЛЬ	317

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Немецкое издание этой книги было опубликовано в 2009 году, то есть девять лет тому назад. Для русского читателя я не изменил в нем ни слова — по следующим трем причинам. Во-первых, я в принципе не считаю правильным, когда задним числом корректируют однажды сказанное. Одна из заповедей честности гласит: раз сказанное уже само по себе стало реальностью, и так это должно остаться. Во-вторых, настоящая книга в первую очередь является, и на это намекает ее название, балансом экономической части немецкого воссоединения и последовавшего за ним «возрождения Востока», то есть уже давно завершившегося процесса. Так что добавить к этому больше нечего. Наконец, в-третьих, в моей оценке событий того времени действительно изменилось совсем немного.

Но если спросить, к чему относится это «совсем немного», то ответ будет: Берлин. Читатель книги обратит внимание на то, что я придаю важное значение динамике крупных городских агломераций как фактору восстановления экономической мощи, причем повсеместно, в том числе, в Средней и Восточной Германии. Этой теме посвящен целый раздел книги. Он озаглавлен «Региональные полюсы роста». В нем в параграфе 4.3 я сожалею об относительно слабом экономическом развитии воссоединенного Берлина после 1990 года, сравнивая его не совсем лицеприятным образом с более ранней динамикой «Большого Мюнхена», благодаря которой в течение нескольких десятилетий после Второй мировой войны произошел экономический взлет когда-то аграрной Баварии. Посвященная Берлину небольшая текстовая врезка в параграфе 4.3 даже была любовно-иронически озаглавлена мною «Радующие взгляд фасады, безрадостная экономика».

За прошедшие годы ситуация радикально изменилась. Это можно также показать статистически, что я и сделал спустя некоторое время, — впервые в одной из публикаций 2013 года¹. Вот уже на протяжении нескольких лет Берлин переживает экономический бум. Среди всех федеральных земель город-государство Берлин демонстрирует наибольшие темпы роста — прежде всего за счет того самого плодотворного взаимодействия науки и культуры предпринимательства, результатами

---

¹ См.: Karl-Heinz Paqué, *Gewachsen, aber gefährdet. Eine wirtschaftliche Zwischenbilanz der Deutschen Einheit für Mitteldeutschland und Thüringen*, anno 2013. Thüringer Memos, Ausgabe 02. Erfurt 2013.

которого можно восхищаться в Калифорнии и Массачусетсе, и, к сожалению, лишь в очень немногих районах в Германии. Берлин действительно стал главным немецким городом не только в политическом отношении, но и как центр экономических стартапов, преимущественно в сфере информационных технологий. В этом заключается огромный шанс Востока Германии постепенно сравняться по уровню жизни с Западом страны — на основе новых инициатив и творческих достижений. Как бы то ни было, Берлин с большим отрывом является самым крупным восточногерманским городом; с запада и с юга он окружен небольшими городскими агломерациями, традиционно тесно связанными с Берлином экономически: Магдебург, Галле-на-Заале, Лейпциг и Дрезден расположены в радиусе от 150 до 200 километров от федеральной столицы. Эти города, в свою очередь, являются небольшими сцепленными между собой полюсами роста, благотворное влияние на развитие которых оказывают примыкающие к ним сельские территории.

Стремительный взлет Берлина — это на самом деле новый фактор. Он вселяет оптимизм на то, что некоторые задачи, которые еще предстоит решить, возможно, удастся решить даже лучше и легче, чем я ожидал в далеком 2009 году. Однако для этого необходимы две предпосылки: во-первых, Берлин должен постараться превратить первоначально возникшую сильную динамику в устойчивую экспансию. К сожалению, берлинское земельное правительство в этом отношении сильно не дорабатывает. Бросая взгляд на новый центральный берлинский аэропорт, все еще не введенный в эксплуатацию, так и хочется с некоторой долей цинизма воскликнуть: «Берлин в политике делает все, чтобы помешать своему росту, но это ему не удастся». Или все-таки удастся? Если городское управление будет и впредь оставаться столь же провинциальным, что и до сих пор, то тогда возможно все, в том числе возврат в старые недобрые времена. Во-вторых, мир в целом, разумеется, не стоит на месте: другие регионы в Германии, Европе и не только составляют Средней и Восточной Германии жесткую конкуренцию, когда речь идет о борьбе за размещение новых производственных мощностей. И это в условиях увеличивающейся нехватки квалифицированной рабочей силы и возрастающего значения такого фактора, как инновационная среда, которая на Востоке пока еще в среднем отстает в своем развитии.

Другими словами, существуют серьезные вызовы, будущее не предопределено. Тем не менее многого уже удалось добиться, хотя, вероятно, меньше того, на что надеялись иные наблюдатели в 1990 году, охваченные оптимистической эйфорией, но, возможно, даже больше того, на что можно было рассчитывать с позиции скептического реализма.

Магдебург, март 2018 г.

Карл-Хайнц Паке

ПРЕДИСЛОВИЕ

VII* Темой этой книги является большой национальный проект «Немецкое единство». При этом основное внимание уделено его экономической стороне, так называемому возрождению Востока страны. Именно по этому вопросу расходятся мнения, именно он вызывает наибольшие споры, когда речь заходит о том, чтобы оценить достигнутое.

Спустя два десятилетия после падения Берлинской стены во многих местах в Германии о возрождении Востока все еще продолжают говорить с чувством нескрываемой обиды и разочарования. Ведь таким его никто себе не представлял. До сих пор бюджетные средства продолжают перетекать с Запада на Восток, до сих пор люди продолжают переезжать с Востока на Запад, и до сих пор экономика Востока продолжает плестись в хвосте у экономики Запада. Вот лишь некоторые из тех резких сравнений, которые отражают всю глубину настроений тяжелой безысходности, сформировавшихся за последние годы: проект «Немецкое единство» как немыслимая катастрофа, Восточная Германия как «немецкая» Южная Италия, только что без мафии, как черная дыра, поглощающая государственные дотации, как «кладбище» миллиардных вложений. Общий вывод: мы, немцы, видимо, совершили ужасные ошибки, возрождая Восток страны, иначе бы всего этого не случилось.

Эта книга приходит к другим выводам: достигнутое не должно разочаровывать, просто поставленная задача оказалась экстремально сложной. Она заключалась в том, чтобы удержать большую часть шестнадцатимиллионного населения Восточной Германии от того, чтобы отправиться на поиски счастья к своим ближайшим соседям в благополучные западные земли. Политика должна была предотвратить массовую миграцию, сформулировав быстро реализуемые и убедительные цели, которые вселили бы в людей надежду на лучшее будущее, не возводя при этом новых стен, отгораживающих их от только что обретенной свободы. Возможно, это была одна из наиболее трудных и дорогостоящих задач, когда-либо поставленных судьбой, тем более в эпоху глобализации. И с этой задачей немцы в основном справились.

VIII Правда, достигнутые результаты следует признать успешными только частично, особенно если соизмерять их с чрезмерными ожиданиями начала 1990-х годов. Данное обстоятельство, однако, связано

---

* На полях под чертой указано начало страницы по немецкому оригиналу. См. указатель.

не с болезненными просчетами в политике, а с общеэкономическим ущербом, которым обернулась изоляция Восточной Германии, как и других стран Центральной Европы, на протяжении четырех десятилетий от мирового рынка. Размер этого ущерба недооценен и сегодня. Его определение является одной из целей настоящей книги. Прежде всего речь при этом идет о разрушении промышленного инновационного потенциала. Его восстановление еще долгое время будет оставаться важной политической задачей — в Германии и в Европе в целом.

В политическом отношении предлагаемая книга направлена против новой легенды «об ударе ножом в спину». Ее суть: политикам в свое время нужно было всего лишь сделать все по-другому и лучше, и тогда сегодня мы имели бы сильную восточногерманскую экономику, и все проблемы немецкого единства уже давно были бы успешно решены. Легенда получила широкое распространение — как в буржуазных, так и в социалистических кругах, хотя аргументы в ее обоснование приводятся совершенно разные. В настоящей книге предпринята попытка разоблачить этот миф, рассмотрев его непредвзято, но и не избегая при этом провоцирующей прямоты собственных суждений.

Чтение экономической литературы может оказаться утомительным занятием: в ней слишком много абстрактных выводов и цифр и слишком мало конкретных персонажей и людских судеб. Имея это в виду, автор считал себя обязанным сделать все возможное, чтобы изложение вопросов «немецкого единства» и «возрождения Востока» не заставляло читателя скучать. Пять глав, из которых состоит книга, являются, на что я, во всяком случае, надеюсь, не сухим трактатом, а живой историей, хотя и рассказанной не историком, а экономистом. Научные пояснения отосланы мною в примечания в самом конце книги, если только они не имеют принципиального значения для понимания или интерпретации описываемых событий.

Изложение дополнено 15 текстовыми врезками, четко выделяющимися на фоне основного текста. Это одинаковые по объему двухстраничные материалы, в которых представлены отдельные предприятия и экономические отрасли, города и коммуны или просто специальные темы. На конкретных примерах они наглядно показывают успехи и шансы, а также трудности в процессе возрождения Востока Германии. Врезки распределены по всей книге. По своему содержанию это независимые от основного текста сюжеты, хотя и связанные с ним тематически.

Все врезки имеют свой индивидуальный характер — как языковой, так и содержательный. Каждая из них написана на основе личного опыта и собственных наблюдений автора. По этой же причине все они имеют одну географическую «привязку» — это земля Саксония-Анхальт, где я живу и работаю с 1996 г. и которую я хорошо узнал, не в послед-

ную очередь за время моего участия в ее земельной политике с 2002 по 2008 г. В этой федеральной земле можно увидеть хороший срез всех тех проблем, причем в ярко выраженном виде, которые характерны для Восточной Германии в целом. То, что Северный Рейн-Вестфалия означает для Запада страны, Саксония-Анхальт означает для ее Востока. Поэтому она и в экономическом отношении являет собой особенно сложный случай. Тем самым Саксония-Анхальт выступает как своего рода показательный регион: в ней сполна представлены практически все вызовы, с которыми Восток Германии столкнулся в 1990 г. и с которыми он все еще продолжает сталкиваться.

Магдебург, июль 2009 г.
Карл-Хайнц Паке

1. ТЯЖЕЛОЕ НАСЛЕДИЕ

1.1. Великое заблуждение

9 ноября 1989 г. рухнула Берлинская стена — событие, ознаменовавшее наступление быстрого конца раздела немецкой нации. Он просуществовал еще всего лишь несколько месяцев: экономически до учреждения экономического и валютного союза 1 июля 1990 г., политически — до немецкого объединения 3 октября того же года. Раздел продолжался четыре десятилетия, почти три из которых — после возведения Берлинской стены в 1961 г. — в условиях почти полной изоляции экономики ГДР от ориентированной на рынок Западной Германии.

Объединение страны вызвало к жизни горячие споры о том, какова же была производительность восточногерманской экономики по сравнению с западногерманской. Наука предоставила в этих целях свои подготовленные самым добросовестным образом оценочные данные, причем сопроводив их назидательными инструкциями по использованию. Эти последние, как обычно бывает, были проигнорированы. В результате вскоре повсеместно в качестве показателя уровня экономического развития стали использовать сравнительные данные производительности труда на Востоке и Западе страны. Согласно большинству этих данных соотношение производительности труда составляло от одного к трем до одного к двум. То есть это означало, что один восточногерманский рабочий производит в час примерно одну треть экономической стоимости, созданной его западногерманским коллегой¹. Или половину. Примерно так звучал диагноз в год объединения. Это был наиважнейший разрыв между Востоком и Западом, который следовало преодолеть в первую очередь.

Представленные цифры в то время широко обсуждались в политических и общественных кругах, однако без их более основательного анализа. Они оказывали какое-то

2 удивительное психологическое воздействие, порождая, как часто бывает, когда речь идет о простых для понимания цифрах, своего рода иллюзию скорой реализуемости поставленных задач. Само слово «разрыв» сразу же ассоциировалось с неким точно измеряемым отставанием Востока от Запада, преодоление которого зависело только от того, насколько решительными будут принимаемые в этих целях меры. Вот все, что только и нужно для «немецкого единства». Говорили: да, отставание велико и стоящая задача, тем самым, весьма сложна, ведь, как бы там ни было, предстоит утроить или удвоить восточногерманскую производительность труда. Однако с помощью новейшей техники, на основе улучшенной профессиональной подготовки, добросовестного труда и высокой мотивации, которая есть у всех, ее как-нибудь удастся решить. Во всяком случае, в течение нескольких лет.

Так думали люди. И это было великое заблуждение, которое стало причиной горьких иллюзий. Вопрос о том, можно ли было их избежать, остается открытым. Вероятно, что нет. В наши дни политики и общественность жадно требуют показать им цифры. И если бы наука отказалась это сделать, такие цифры они получили бы из других рук, что имело бы еще худшие последствия. Хотя в случае с «немецким единством» эти последствия были и без того хуже некуда: миллионы восточногерманских рабочих и служащих спустя всего лишь несколько лет после объединения были вынуждены констатировать, что мир живет по совершенно другим законам, чем это казалось в 1990 г. Иллюзия быстрой реализуемости проекта скоро развеялась, посеяв настроения безысходности, которые и сегодня чувствуются среди части населения Востока страны.

Вернемся, однако, к исходной ситуации. Если и не один к трем или один к двум, то каково же в действительности было отставание производительности экономики Востока от экономики Запада в 1990 г.? Честный ответ таков: мы этого не знаем. Более того: мы даже не можем этого знать. Почему? Потому что четыре десятилетия существования Германии как разделенной нации привели к таким изменениям, результаты которых нельзя представить в виде измеряемых статистических величин.

Чтобы понять это по прошествии времени, следует взять в руки своего рода экономическую подзорную трубу и понаблюдать с помощью замедленной покадровой киносъемки за развитием Западной и Восточной Германии задолго до и после раздела страны на две части. При этом сначала нам придется отправиться в достаточно отдаленное прошлое, во вторую половину 20-х годов прошлого столетия, в так называемые «золотые двадцатые» Веймарской республики, когда у руля ее внешней политики стоял Густав Штресеман. Это был тот последний отрезок истории рейха, когда его Запад, будущая Федеративная республика, и его Восток, под которым мы здесь понимаем будущую ГДР, еще существовали в системе нормальных рыночных экономических отношений как две части одного единого национального экономического пространства.

Что мы видим через нашу подзорную трубу? Мы видим на Западе и на Востоке две части экономики, которые теснейшим образом связаны между собой. Это две части страны, сходные по своему экономическому потенциалу и по уровню жизни населения. На территории обеих находятся сильно развитые индустриальные районы, промышленные центры которых успешно участвуют в международной конкурентной борьбе, такие, как, например, Рейнско-Рурский и Рейнско-Майнский регионы на Западе и саксонско-среднегерманское экономическое пространство на Востоке. В обеих частях имеются также сельскохозяйственные районы с гораздо более скромными экономическими достижениями, в частности Восточная Фрисландия, Айфель и южная Бавария на Западе и Альтмарк, Мекленбург и Лаузиц на Востоке. В среднем Запад слегка опережает Восток, точнее сказать, Северо-Запад, т.е. прежде всего это территория современного Северного Рейн-Вестфалия, поскольку экономика значительной части Юго-Запада и Баварии имеет преимущественно аграрную направленность. Однако в целом разница экономических потенциалов и в уровне жизни невелика. Важно также то, что эта разница является результатом исторического развития экономических структур в условиях рыночного хозяйства. Она имеет такой же характер, как и сегодняшние различия между Германией и Австрией. Или между Гессеном

и Рейнланд-Пфальцем. Это совершенно нормальная ситуация, которая не вызывает никакого беспокойства. Она, если хотите, имеет «естественный» характер.

4 Естественное различие между восточной и западной частями Германии переживет потрясения 1930-х и 1940-х годов. Мировой экономический кризис с его драматическим обвалом производства, годы нацизма с его командными методами управления экономикой и курсом на милитаризацию, Вторая мировая война с ее колоссальными разрушениями, все эти события хотя и меняли немецкую экономику, однако в целом сохраняли исторически сложившиеся различия между Западом и Востоком страны. К началу раздела Германии на исходе 1940-х годов Запад и Восток все еще находятся в прежнем положении. И там и тут оно отчаянное, прежде всего вследствие послевоенной разрухи и огромных человеческих потерь.

Затем, однако, их пути расходятся, причем самым радикальным образом. Запад страны возвращается в капиталистический мир рыночной экономики, каковой она была в последний раз в Германии в 1920-е годы. Его экономика ориентируется на сигналы рынка, в первую очередь на стандарты качества и цены, существующие на национальных, европейских и мировых рынках. Так она развивается с этапа восстановления в ранние 1950-е годы вплоть до воссоединения в 1990 г., т.е. в течение чуть больше четырех десятилетий. В историческом сравнении этот временной интервал во всем мире был периодом особенно значительных перемен за счет быстрого экономического роста, который сопровождался стремительным техническим прогрессом и широкой либерализацией и глобализацией рынков. Столь глубокой структурной перестройки не было много десятилетий. В последний раз нечто подобное происходило в период длительной мирной паузы в развитии страны, начиная с основания рейха в 1871 г. и до начала Первой мировой войны.

Достаточно просмотреть фотографии или киноленты второй половины 1980-х годов, чтобы убедиться, с какой захватывающей дыханием скоростью происходили изменения в западном мире продуктов. В действительности эти изменения, естественно, были значительно глубже по своему харак-

теру, чем могло показаться на первый взгляд. Практически каждое предприятие, подгоняемое рыночной конкуренцией и техническим прогрессом, пытается сделать свою продукцию хотя бы на немного лучше, чем у конкурентов. Так происходит ускорение процесса появления на свет технических инноваций и создания «товарных марок», которые открывают новые рынки или по крайней мере рыночные ниши, одновременно расширяя старые. Возникает широчайший спектр товаров и услуг различного качества и различных по ценам.

И как бы походя, на предприятиях и в компаниях одновременно зарождается нечто совершенно иного рода, а именно: новое знание. Объемы этого нового знания огромны, его не преподают ни в одной школе или институте. Это знание рынка в самом широком смысле слова. Речь идет о технических, логистических, торговых и юридических производственных секретах, сведениях о путях распространения и каналах сбыта, т.е. обо всем том, что позволяет каждому предприятию успешно удерживать свои рыночные позиции от их захвата конкурентами. Конкуренция приходит из самой Западной Германии или из (западного) зарубежья, что в принципе не имеет значения. Разумеется, конкуренты также учатся друг у друга. В рыночной экономике только очень немногие специальные знания возможно утаить на долгое время. Однако когда спустя годы или десятилетия эти знания, являвшиеся ранее производственной тайной, становятся общедоступными, оказывается, что в мире уже возникли новые специальные знания, которые хотя бы на время помогают избавиться их владельцу от конкуренции.

Таким был экономический мир западных немцев на протяжении четырех десятилетий существования разделенной Германии. В те же годы в Восточной Германии он выглядит совершенно иначе. В нем господствует плановое хозяйство. Цены устанавливаются не на рынке, а в ходе бюрократических процедур — почти без учета спроса и предложения. Значительная часть экономики принадлежит государству, прежде всего промышленные предприятия. Конкуренция между предприятиями практически отсутствует. Внешняя торговля в более или менее значимых объемах поддерживается только с восточноевропейскими плановыми экономиками.

Она строго регламентирована, и ее структура определяется политическими соображениями. О каких-либо тенденциях к либерализации и глобализации не может быть и речи.

6 Сегодня никто всерьез не оспаривает тот факт, что это социалистическое плановое хозяйство было абсолютно неэффективным. Без конкуренции между частными компаниями и без рыночного ценообразования оно не имело ориентиров для того, чтобы экономически правильно использовать капитал и рабочую силу. В экономике одновременно господствовали дефицит и расточительство. Ненужные товары в ненужных количествах производились там, где их не следовало производить. Это блуждание государственной бюрократии в колоссальном удалении от правильного курса было горькой и жестокой реальностью для граждан страны на протяжении целых 40 лет. В ретроспективе оно производит скорее впечатление гротеска, будучи сегодня источником анекдотов из прошлого, которые люди в Восточной Германии охотно рассказывают друг другу на летних посиделках у домашнего гриля.

Прекратить эти блуждания в 1990 г. не составило большого труда. Для этого потребовалось только отпустить цены и ввести стабильную, пользующуюся доверием валюту. Что и случилось 1 июля 1990 г. с созданием экономического и валютного союза, по своим непосредственным последствиям очень похожим на экономическую и валютную реформу в Западной Германии в июне 1948 г. В результате о дефиците и расточительстве почти уже больше не вспоминали.

Тем самым был дан стартовый сигнал к началу так называемой трансформации восточногерманской экономики. Что же должно было произойти дальше? Экономисты и политики в то время были едины если и не в деталях, то в главном. Было необходимо создать все те элементы, из которых складывается нормально работающая рыночная экономика в высокоразвитой промышленной стране. То есть в первую очередь это частная собственность на предприятия и компании, современная правовая система и надежное государственное управление, хорошо развитая сеть наземного, водного и воздушного транспорта, всеохватывающая система телекоммуникационных связей, финансовые услуги, предостав-

ляемые сберегательными кассами, банками и страховыми обществами в любом уголке страны. И наконец, повсеместно капитально отремонтированные города и общины, в которых должны быть созданы комфортные условия проживания для населения и вся необходимая инфраструктура для развития производства. Помимо этого требовалось осуществить все те мероприятия и учредить все те институты, которые призваны обеспечить передачу знаний и профессиональных навыков, необходимых для решения задач в рамках рыночной экономики, т.е. школы, специализированные центры профессиональной подготовки и университеты.

Полагали, что эти основы рыночной экономики позволят ликвидировать отставание Востока от Запада страны. Такое мнение выглядело вполне логично, поскольку высококвалифицированные люди могли бы работать в частных компаниях на сверхсовременном оборудовании и со сверхсовременными средствами телекоммуникации, работать прилежно и мотивированно. При этом произведенные товары и услуги они могли бы, пользуясь самыми современными видами транспорта, поставлять в любые страны мира. Чем бы в этом случае Восток отличался от Запада? Отставание от Запада в уровне экономического развития было бы быстро сведено до минимума, от соотношения одного к трем или одного к двум до одного к одному или по крайней мере до того небольшого естественного отставания, которое существовало еще в кайзеровское время и в период между обеими мировыми войнами.

Примерно таким был диагноз. Из него исходил тогдашний канцлер Гельмут Коль, когда говорил о процветающих землях, — выражение, которое впоследствии многократно цитировали. Не называя точных временных параметров, он и многие другие верили, что возрождение Востока займет не более нескольких лет. Почему бы и нет? Ведь речь шла о всеобъемлющей программе модернизации, реализовать которую было необходимо и возможно одним мощным силовым рывком. В том же духе трактовали сложившуюся ситуацию в своем большинстве и те, кто был настроен более скептически, чем канцлер. Хотя они и полагали, что решение проблемы потребует более длительного времени и обойдется дороже,

чем утверждал канцлер «немецкого единства» в политически мотивированной эйфории своих выступлений. Но и они рассматривали возрождение Востока прежде всего как комплексную модернизацию машинного оборудования, людей и страны в целом.

И это было глубокое заблуждение. Хотя и вполне понятное. Ведь в Германии двадцатого столетия уже были проведены две валютные реформы, при этом обе оказались успешными. Автором первой из них в 1923 г. был рейхсканцлер Густав Штресман; вторая реформа прошла в 1948 г. в оккупированной Западной Германии под руководством союзнических властей и Людвиг Эрхарда, будущего федерального министра экономики, которому удалось провести в жизнь программу всесторонней либерализации цен. Эта вторая экономическая и валютная реформа 1948 г. послужила прообразом реформы 1990 г. При этом многие недооценивали коренное различие между Западной Германией 1948 г. и Восточной Германией 1990 г.

В чем же состояло это различие? Прежде всего в том, что к 1948 г. за плечами западногерманской экономики были уже 15 лет существования в условиях нацистского господства, как в мирное, так и в военное время, в течение которых проводилась национал-социалистическая политика автаркии и принудительной милитаризации. При этом, однако, только в 1936 г. был введен контроль над ценами, а огосударствление средств производства никогда за весь этот период не носило сколь-либо значимого характера. То есть как бы жесток и антигуманен ни был тоталитарный нацистский режим, он почти не нанес ущерба существовавшей системе капитализма и рыночного хозяйства. К этому следует добавить, что и ущерб от изоляции от мировой экономики также не был особенно велик, поскольку 15 лет с 1933 по 1948 г. и в остальных промышленно развитых странах мира никак нельзя назвать периодом либерализации и быстрого экономического роста. Отгораживание от мирового рынка, навязанное национал-социализмом, не имело поэтому столь тяжелых последствий по сравнению со всеобъемлющей изоляцией в результате утверждения системы плановой экономики социализма.

Короче говоря, несмотря на разрушения военных лет в 1948 г., можно было относительно просто восстановить преимущество западногерманской экономики с ее предшественницей со всеми ее сильными сторонами. В Восточной Германии образца 1990 г. после 40 лет планового хозяйства ситуация была совершенно иной. Наряду с отставанием в вопросах модернизации имелась одна значительно более принципиальная проблема – отсутствие продукции, которая могла бы выдержать международную конкуренцию. Возможно, именно это и было наиболее роковое последствие изоляции от мировых рынков. Последствие, от которого невозможно избавиться автоматически за счет модернизации производственного оборудования и развития человеческого потенциала с учетом требований модернизации страны в целом.

Восточная Германия, как и вся Центральная и Восточная Европа, начиная с 1990 г. действительно столкнулась с исторически совершенно новой проблемой. Социалистическое экономическое пространство состояло из более или менее промышленно развитых стран, по крайней мере в его частях, расположенных ближе к Западной Европе, лидерами которых были ГДР и тогдашняя Чехословакия. Соответствующим был и уровень технических знаний. Он был высоким, позволяя в послевоенное время экономике развиваться даже в условиях изоляции. В рамках директивного планового хозяйства это развитие хотя и было катастрофически неэффективным, тем не менее сопровождалось на основе новых знаний определенным техническим прогрессом, активно поддерживаемым и управляемым государством, результаты которого реализовывались в новых продуктах. И на Востоке страны создавались новые автомобили, новая химическая продукция, новое производственное оборудование, новые электротехнические приборы и даже компьютеры и изделия микроэлектроники. Все эти изделия и здесь были разными по цене и качеству, хотя эти различия и не были столь заметны, как на Западе.

То есть на Западе и на Востоке возник удивительный параллельный мир продуктов. Западный немец, оказавшись в ГДР, мог увидеть его невооруженным глазом, хотя бы

сравнив обстановку частных квартир. Она была в целом значительно скромнее, чем у граждан на Западе, тем не менее в основном состояла из всех тех типичных предметов, которые можно было в то время ожидаемо увидеть в любой промышленно развитой стране: автомашина, телевизор, холодильник и т.д. Однако чем дольше продолжалась изоляция от мирового рынка, тем более удивительные особенности обнаруживались при такого рода сравнениях. Так, если взять пример из автомобилестроительной отрасли, автомашина «Вартбург» из Айзенаха и автомобиль марки *DKW* из Ингольштадта в 1950-е годы имели гораздо больше общего, чем «Трабант» из Цвиккау и «Поло» из Вольфсбурга три десятилетия спустя. Очевидно, в вопросах производственного дизайна, функциональности и технического оснащения Запад и Восток все больше отдалялись друг от друга, что все больше ограничивало возможности для сравнения производимых изделий.

10 Уже в 1980-е годы по этой причине на Востоке и Западе существовали два полностью отделенные друг от друга мира продуктов — один, изолированный от открытого мирового рынка, и другой, как одна из его составных частей. При этом между обоими мирами отсутствовали сколь-либо пригодные рыночные критерии сравнимости производимых в них стоимостей, — слишком сильно к тому времени они удалились друг от друга. История не знает другого примера столь очевидных различий между двумя большими соседними экономическими пространствами, между двумя, вне всякого сомнения, «промышленными странами», принадлежащими к одной и той же западноевропейской цивилизации, товары и услуги которых служили одним и тем же целям. Причем только потому, что на протяжении чуть более четырех десятилетий они существовали обособленно друг от друга.

Вот в чем причина того, почему на вопрос о сравнимости экономических потенциалов Востока и Запада в 1990 г. было столь сложно дать определенный ответ. При этом оценка этого соотношения как один к трем (или один к двум), которая предлагалась наукой, полностью вводила в заблуждения. Поскольку тот, кто рассуждает об экономическом потенциале и о производительности, обязан знать, что представляют собой произведенные товары и услуги по стоимости, ориен-

тируясь при этом на свободный рынок, а случае сомнения — на мировой рынок. По этой причине нельзя разумно объяснить, почему производительность труда рабочего на заводе в Цвиккау, где собирают автомобиль «Трабант», составляет одну треть (или половину) производительности труда его коллеги на заводе Фольксваген в Вольфсбурге. Поскольку для такого сравнения нет никаких общих критериев, в частности такого, как цена на «Трабант» на мировом рынке. Это же относится и к сравнимости производительности труда рабочего на заводе искусственных пластмасс и синтетического каучука в Шкопау с производительностью труда его коллеги на заводе БАСФ в Людвигсхафене. В ГДР, да и в других социалистических странах Центральной и Восточной Европы накануне перехода к рыночной экономике в 1990 г. почти не было отраслей промышленности, которые составляли бы исключение из этого правила.

То есть вопрос о соотношении экономической производительности Востока и Запада страны в 1990 г. не имел ответа. Собственно говоря, такой ответ и не требовался. Поскольку существовало практически общее мнение о том, что восточногерманский ассортимент промышленных изделий в рамках новой системы рыночных отношений и без того подлежал радикальному пересмотру. Поэтому было не столь важно, какова была реальная «рыночная стоимость» этих продуктов в тот момент времени. Все предполагали, что она чрезвычайно мала для того, чтобы обеспечивать необходимую себестоимость производства. В этих условиях вопрос об исчислении отставания производительности труда рабочей силы на Востоке от Запада носил скорее чисто академический характер. Речь шла о том, чтобы дать ответы на следующие правильные практические вопросы: каким образом следует начать радикальное обновление производственного ассортимента? Как обеспечить успешное выполнение этой задачи? Сколько времени на это потребуется? Кто может решить эту проблему? Какие меры политической поддержки следует в этой связи предпринять?

Эти правильные вопросы, если бы они были поставлены своевременно, могли бы наглядно показать: исходное положение экстремально сложное, почти отчаянное. Почему?

Потому что дело идет о разработке и изготовлении на восточногерманских предприятиях новых продуктов, которые могли бы пользоваться длительным и стабильным или даже растущим спросом на немецком, европейском и мировом рынках. И решать эту задачу нужно было в мире, экономическое единство которого за четыре десятилетия под воздействием либерализации и глобализации резко возросло, однако без участия в этих процессах Восточной Германии. То есть в ситуации, в которой наиболее эффективные компании за многие годы сумели укрепить свои позиции и свой авторитет на мировых рынках, накопив за это время обширные и чрезвычайно многообразные знания о рынке. В этом мире предприятиям в Восточной Германии предстояло отыскать свое место под солнцем, причем в условиях уже давно идущего процесса глобализации, когда лучшие места на рынке уже распределены, а новые места пока еще не просматриваются. Поистине геркулесова задача.

К сожалению, все эти вопросы тогда были поставлены не совсем так, как мы их только что сформулировали. Поэтому в общественной дискуссии возрождение Востока страны отождествлялось с всеобъемлющей модернизацией технологического оборудования, человеческого потенциала и всей восточной части страны. Необходимость искать идеи новых продуктов и знания для их продвижения на мировом рынке в политических дебатах оставалась на заднем плане. И это при том, что в ряде промышленных отраслей эту проблему уже больше нельзя было не замечать.

Например, в автомобилестроительной промышленности. Все знали, что на заводах ГДР, производящих автомашины марки «Вартбург» в Айзенахе и «Трабант» в Цвикау, есть хорошо подготовленные кадры специалистов. За счет повышения их квалификации и переподготовки они могли бы быстро приобрести недостающие им новейшие технические знания. Также там можно было бы установить новое технологическое оборудование и построить новые производственные цеха. При этом открытым все еще оставался главный вопрос: что следует там производить? Модернизированные версии старых моделей, разработка которых, по всей вероятности, потребовала бы многие годы? Новый «Вартбург»

или новый «Трабант»? Существовал ли вообще сколь-либо серьезный спрос на них на мировом рынке, уже достаточно насыщенном разнообразными моделями? И кто должен был провести и профинансировать рискованные исследования и разработки в связи с созданием таких новых моделей? Или, возможно, было бы лучше оставить старые стандарты на будущее для производства совершенно других моделей и сделать ставку на инвестиции на Востоке западногерманских и зарубежных автомобильных концернов?

Мы знаем: в конкретных случаях был выбран именно этот путь. Опель и Фольксваген создали в Айзенахе и Цвикау новые современные производственные мощности для своих уже существующих модельных рядов. Это были в высшей степени впечатляющие по своим объемам инвестиции при участии государства, которые спасли важные автомобилестроительные производства и часть рабочих мест, хотя и с огромными издержками для налогоплательщиков. В общественных кругах такие меры справедливо получили высокую оценку как очень успешные. При этом, однако, обращает на себя внимание, что почти никто не говорил об альтернативах. Специалисты, очевидно, с самого начала придерживались мнения, что продолжение производства старых моделей из ГДР в модернизированной версии не заслуживает обсуждения. Однако именно этот пример наглядно показывает, насколько трудно было найти место под солнцем мирового рынка для собственных восточногерманских изделий.

Удивительно, что немцам на Востоке и на Западе понадобились годы, чтобы осознать этот факт. Почему-то все верили в немецкий особый путь. Верили в то, что с помощью западного мира Восток страны как-нибудь завоюет свое место в мировой экономике, причем минуя длительные периоды развития. При этом первые примеры крупных инвестиций Опеля и Фольксвагена, казалось, только подтверждают это мнение, хотя они, скорее, свидетельствовали об обратном. Ведь в этих случаях речь шла о разовом импорте рыночных знаний, которые на Западе накапливались в течение десятилетий. Полностью открытым оставался вопрос о том, насколько этот импорт был возможен применительно ко всей восточной части Германии. А там,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru